

Анджей Вайда: «Невинной цензуры не бывает»

ПОЛЬСКИЙ режиссер Анджей ВАЙДА известен своими работами в кино (фильмы "Пепел и алмаз", "Все на продажу", "Дантон", "Человек из железа" и др.) и театре. За свои 78 лет, которые он встретил в Москве 6 марта, он успел получить премию Американской киноакадемии "Оскар" за выдающийся вклад в мировое кино, а также снять тридцать девять фильмов и поставить около пятидесяти спектаклей на ведущих сценах мира - от Японии до Америки, работая преимущественно с произведениями Достоевского. Наконец Мастер приехал и в Россию, где 17 марта на сцене московского театра "Современник" состоится премьера спектакля "Бесы" в его постановке.

О деньгах и Достоевском

- ПАН ВАЙДА, почему вы так долго заставили нас ждать? Ваши спектакли по Достоевскому шли по всему миру, и только сейчас вы взяли ставить его "Бесов" в России...

- Я давно мечтал поставить "Бесов" в России. Но тогда это было невозможно. Считалось, что русская литература принадлежит только Советскому Союзу. Когда мы со спектаклем по этому роману, поставленным в Кракове, приехали на гастроли в Лондон, советский посол устроил жуткий скандал: как это мы посмели взяться за Достоевского?! Знаете, этот роман Федора Михайловича ведь не особо и издавался. "Бесы" же считались антиреволюционным произведением. Ленин так и говорил, что никогда не будет читать "эту гадость". Хотя у меня хватило наивности в начале 70-х годов на встрече после премьеры спектакля "Как брат брату" в "Современнике" заявить министру культуры Фурцевой, что я меч-

таю снять "Бесов" в СССР. Галя Волчек тогда мне так больно наступила на ногу, что я понял всю неуместность моей просьбы. Оказалось, что надо долго жить, чтобы все-таки поставить "Бесов" в России. И я счастлив, что наконец услышу, как Достоевский звучит на русском языке. Это будет один из самых прекрасных моментов моей жизни.

- Вы как-то сказали, что, для того чтобы ставить Достоевского, необходимо быть жестоким. А сама наша жизнь разве не жестока?

- Нет, я сказал иначе, перефразируя Шекспира, - иногда надо быть жестоким, чтобы быть добрым. Наш же мир жесток потому,

что управляется с помощью денег. Но ведь не все должны участвовать в погоне за деньгами. Существуют и другие образы жизни. После того как я видел сталинизм, который в Польше, конечно же, был менее резким, чем здесь, думаю, что никакая система не может сравниться с ним по жестокости и презрению к человеку. Иногда звучат мнения, будто при коммунистах было легче жить. Но это же ложь! Сегодня у человека есть главное - возможность выбора.

- Вам принадлежит высказывание: "Каждый имеет столько свободы, сколько дает другим". А сколько вообще свободы необходимо человеку?

- Каждый сам определяет для себя. Только решая эту дилемму, необходимо понимать, что свобода всегда подразумевает сознательный отказ от чего-то. Если кто-то хочет иметь много свободного времени, он должен отказаться от работы и не предъявлять претензий из-за отсутствия денег. Я, например, мог работать за границей. Но мне казалось, что смогу больше рассказать, находясь именно в Польше. Это была моя свобода. И я никому не предъявляю претензий, что не стал режиссером в Голливуде. Хотя во времена Польской Народной Республики было очень трудно снимать из-за цензуры.

- У нас все чаще и чаще раздаются мнения о необходимости вводить цензуру. Кто, на ваш взгляд, должен определять, что можно показывать, а что нельзя?

- В демократическом обществе цензуру заменяет общественное мнение. Если кто-то из наших друзей начинает себя недостойно вести, мы же не вызываем полицию и не подаем на него в суд - мы просто перестаем с ним

общаться. И человек, видя, что никто не хочет иметь с ним ничего общего, понимает, хочется верить, свои заблуждения. А голоса о необходимости цензуры раздаются и в Польше. Но необходимо отдавать себе отчет, что любая цензура, даже самая невинная, в конечном итоге приведет к цензуре абсолютной. А я считаю, что каждый должен иметь возможность высказаться, при этом рискуя собой, своим положением, репутацией и будущим.

О России и оптимизме

- ЕВРОПА сегодня объединяется, вот и Польша в мае станет членом Евросоюза. Какую роль, на ваш взгляд, играет Россия в сегодняшнем мире?

- Мне кажется, меньшую, чем могла бы играть. Россия замыкается на своих проблемах, словно не хочет открыться всему миру. Думает, наверное, что ее открытость вызовет какие-то осложнения. А от России все ждут, чтобы она раскрылась. Вы сегодня ближе Америке, чем Европе.

- Да уж, если судить по тому, что в наших кинотеатрах в основном идут американские фильмы, то мы можем считаться одним из штатов США...

- Вы думаете, в Польше иная ситуация? Американское кино - всюду, за ним сила и мощь пространства.

- Что необходимо сделать, чтобы зритель стал смотреть свое, национальное кино? Может, взять за образец французов, которые лимитируют показ иностранных фильмов, или ждать, пока все решится само собой?

- Я полагаю, нужны какие-то законы. Как раз французы наиболее последовательны в отстаивании интересов национального кино. Иногда говорят, например: "Надо беречь польское кино". В ответ часто можно услышать: почему только кино, а не минеральную воду или, скажем, мыло? Почему в отношении одного товара есть свобода, а в отношении другого - нет? Когда подобные вопросы задают французам, они отвечают: "Мы не защищаем французскую кинопромышленность. Мы защищаем французский язык". И это правильно. Зритель должен иметь возможность слышать с экрана о том, что происходило когда-то или сейчас происходит, на родном языке. А американский рынок громаден. Не думаю, что американское кино возможно победить.

- Звучит как-то пессимистично.

- Что вы, я оптимист. Просто к такой победе не надо и стремиться. Что же касается восприятия жизни вообще, то я чувствую себя счастливым человеком. Мне пришлось многое пережить: войну, немецкую оккупацию, годы Польской Народной Республики. Я дожил до лучших времен. Да, не известно, что будет дальше. Но я же еще живу и могу что-то сделать.

Игорь ИЗГАРШЕВ

Фото Сергея ИВАНОВА